

ШАТУНОВСКИЙ И. Б.

СИНТАКСИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ МНОГОЗНАЧНОСТЬ

(«имя номинального класса → имя естественного класса»)

Исследования последних десятилетий показали, что имена и — шире — именуемые выражения делятся на два принципиально различных класса. О важности этого деления свидетельствует уже тот факт, что к нему независимо друг от друга пришли логики С. Крипке [1, 2], Х. Путнэм [3, 4], К. Доннеллан [5, 6] и лингвисты Н. Д. Арутюнова [7], О. Г. Ревзина [8], Д. Н. Шмелев [9], Л. Л. Ким [10]. То, что речь идет об одном объективном противопоставлении, несколько затушевывается различием применяемых для его фиксации терминов: «жесткие и нежесткие десигнаторы» (С. Крипке), «имена естественных классов» и «имена номинальных классов» (Х. Путнэм, С. Шварц [11]), «референтные дескрипции» и «атрибутивные дескрипции» (К. Доннеллан), «идентифицирующие существительные» и «предикатные существительные» (Н. Д. Арутюнова), «имена поля вещи» и «имена поля деятеля» (О. Г. Ревзина), «номинации классов первичного членения» и «номинации классов вторичного членения» (Л. Л. Ким), «системно связанные имена» и «денотативы» (Д. Н. Шмелев) и т. д.

Не жесткие десигнаторы (имена номинальных классов, предикатные существительные) обозначают объект так, как постулируется традиционной теорией референции (основы которой заложены Г. Фреге [12] и Б. Расселом [13]). Они имеют смысл (сигнификат, интенционал), представляющий собой дескрипцию, четко очерченную совокупность ассоциированных с именем обязательных признаков. Число этих признаков ограничено, смысл имен номинальных классов, как и предикатов вообще, характеризуется «стремлением к элементарности, моносемности» [7, с. 342]. Значение имен номинальных классов первично по отношению к их референции: смысл имени определяет его экстенционал. Объект является денотатом такого имени, если и только если он имеет характеристики, заключающиеся в смысле (сигнификате, интенционале) имени. Так, имя *холостяк*, смысл которого образован признаком «не состоит и не состоял в браке», может быть приложено к мужчине только в том случае, если он не состоит и не состоял в браке. Употребляя имя номинального класса, «мы имеем в уме некоторую характеристику или дескрипцию и определяем любой предмет, который удовлетворяет дескрипции, как имеющий право на имя» [11, с. 38]. Иметь признак, запечатленный в сигнификате имени номинального класса, и значит входить в данный номинальный класс. *Быть наглым* и значит входить в номинальный класс наглецов, *быть наглецом*, *Иметь красный цвет* и значит входить в номинальный класс красных предметов, *быть красным предметом*.

Смысл имен номинальных классов (как и предикатов вообще) ориентирован не на мир, а на познающего субъекта [7, с. 343], составляющие его признаки оторваны от денотата абстрагирующей деятельностью мышления [7, с. 337]. Поэтому значение имен номинальных классов служит источником аналитических истин (*Все холостяки неженаты*).

Жесткий десигнатор — это «терм, который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах» [1, с. 78]. Жесткие десигнаторы лишены смысла (сигнификата, интенционала и т. п.). Это не значит, что с жестким десигнатором не ассоциируются какие-то признаки

объекта (дескрипции). Но эти признаки не определяют его референцию (хотя могут, по выражению Крипке, «фиксировать» ее). Для иллюстрации этих положений используем несколько видоизмененный пример Крипке [2, с. 16—17]. Две игральные кости, А и В, каждая из которых имеет по 6 граней с нанесенными на них цифрами — от 1 до 6, брошены одновременно. 36 возможных «состояний» этих костей после броска и есть 36 «возможных миров». Пусть на кости А выпало 5, а на кости В — 6. Мы можем теперь «фиксировать референцию» терма А посредством дескрипции «та кость, на которой выпало 5». Но эта дескрипция, помогая установить референцию терма А, не является его смыслом: она не определяет, что значит быть костью А. Ведь результаты броска могли оказаться иными, например, на обеих костях могло оказаться 5. Но это не значит, что в этом случае у нас было бы две кости А и ни одной кости В. Терм А является жестким десигнатором, он обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах, т. е. при любой выпавшей цифре (а дескрипция «кость, на которой выпало 5» — это нежесткий десигнатор).

Типичные жесткие десигнаторы — это имена собственные (как А и В выше). С именем собственным *Цицерон* ассоциирован ряд дескрипций, таких, как «автор таких-то сочинений» и т. д. Однако Цицерон остался бы Цицероном, даже если бы он не написал этих произведений. Может быть, мы ошибались, и Кассий написал эти работы. Это, однако, не дало бы основания утверждать, что Цицерон — это Кассий [1, с. 93]. Имя собственное «преследует» объект, как бы ни менялись его признаки.

Имена естественных классов (*лимон, тигр, вода, золото, береза, человек* и т. п.) подобны именам собственным и являются жесткими десигнаторами. Они лишены смысла (в рассмотренном выше понимании этого термина — как совокупности обязательных, определяющих референцию имени семантических признаков) и «жестко» обозначают род вещей, созданный природой. Ассоциируемые с именами естественных классов признаки в большинстве своем не обязательны в самом «сильном» смысле этого слова: их имеют не все члены денотируемого именем класса. Хотя полосатость — яркий признак тигра, отсутствие полосок у тигра-альбиноса не приводит к его переименованию (но нет ни одного холостяка, который был бы женат). Некоторые из ассоциируемых с именем естественного класса признаков составляют сущность обозначенного именем рода вещей, например: *Вода есть H₂O*, *Золото — элемент с атомным весом 79* и т. п. Эти признаки обязательны в рассмотренном выше понимании этого слова. Однако они не обязательны в логическом смысле. Можно представить, что ученые ошиблись и вода на самом деле не H₂O. Но и в этой воображаемой ситуации мы продолжали бы пользоваться тем же именем. (Принципиально иное положение с именами номинальных классов. Невозможно представить себе круглый квадрат, и нельзя даже мыслить наглеца, который не был бы наглым). Поскольку не исключается логическая возможность ошибки, суждения типа *Вода есть H₂O*, *Кошка — животное* и т. п. информативны и не аналитичны. Эти суждения — результат познания природы, а не языка. Не требуется эмпирического исследования, чтобы убедиться в том, что холостяки не женаты, но такое исследование было необходимо для того, чтобы узнать, что вода состоит из водорода и кислорода. Значение жестких десигнаторов (идентифицирующих слов), таким образом, не определяет их референцию, а, напротив, «представляет собой рикошет от их референции» [14, с. 186]. Не потому вода является референтом имени *вода*, что она есть H₂O, но потому с именем *вода* ассоциирован признак H₂O, что оно обозначает воду — субстанцию, молекула которой, как показали эмпирические исследования, состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Если «у предикатных номинаций (нежестких десигнаторов. — Ш. И.) значение определяет и регулирует их употребление, их приложимость к тем или другим объектам», то у жестких десигнаторов, «идентифицирующих имен, скорее напротив, употребление (референция) определяет и формирует их значение» [15]. Значение идентифицирующих имен есть отражение в человеческом сознании обозначаемого именем предмета (при этом часто разное в разных «зеркалах»).

Это значение «ориентировано на денотат и создается общими чертами класса денотатов» [7, с. 332], оно сводится к тому, что А. А. Уфимцева назвала «идеальным денотатом» — типизированным представлением предмета [14, с. 30], а Путнэм — «стереотипом класса» [3, с. 113]. «...Идентифицирующие имена, — отмечает Н. Д. Арутюнова, — в известном смысле соответствуют образу предмета или стереотипу класса. Когда мы слышим такие имена, как *ель*, *медведь*, *песок*, *дерево*, *еловая шишка*, *пальма*, *крокодил* и др., перед нашим мысленным взором прежде всего встает внешний облик, картинка, изображающая очень обобщенный образчик соответствующего класса естественных или иных объектов» [14, с. 183]. Значение идентифицирующих имен диффузно, не членится четко на семантические компоненты, состоит из неопределенного и в принципе неограниченного количества разнородных признаков — «мазков в картине» [7, с. 335]. Число этих признаков в принципе так же безгранично, как бесконечно число свойств предмета, обозначенного именем «жестко», как целое. И как бы подробно мы ни перечисляли эти признаки, мы не сможем уйти от (хотя бы подразумеваемого) «и так далее». Объем знаний, связанных с идентифицирующими именами, зависит от глубины познания соответствующего класса реалий, а также от социального статуса, профессии и культурного уровня говорящих. «Один адресат идет от имени к номинату через одни идентифицирующие признаки, другой — через иные, важно лишь, чтобы оба пути вели к одному и тому же предмету действительности, сколь бы ни различалась информированность о нем говорящих» [14, с. 184].

Семантическое противопоставление нежестких и жестких десигнаторов связано с различием их коммуникативных функций. Первые способны быть семантическими предикатами (сообщать о п р и з н а к а х предмета), вторые служат исключительно для указания на предмет или класс предметов (денотации, референции). Попадая в позицию сказуемого, жесткие десигнаторы — имена естественных классов формируют так называемый таксономический (классифицирующий) предикат, принципиально отличный от предиката семантического (характеризующего). Это отличие, отмечает Н. Д. Арутюнова, заключается в том, что таксономический предикат «не утрачивает предметности. Конкретное таксономическое предложение содержит сообщение о вхождении объекта в некоторый класс, его идентичности одному из членов множества, ср. *Этот цветок незабудка*» [14, с. 198]. Говоря: *Это — золото!*, мы идентифицируем имеющийся у нас образчик с естественным родом, узнаем в нем одно из проявлений рассыпанного в природе вещества, но не сообщаем о каких-либо его признаках ($\neq$ **Это — желтое, дорогое и т. п.*).

Значительное число имен существительных коммуникативно подвижно, способно выполнять как функцию денотации, так и функцию предикации [7, гл. 6]. При этом передвижение имени из позиции предиката в позицию денотирующего термина или наоборот, как правило, сопровождается и более или менее резким преобразованием его значения, приспособляющегося к выполнению новой функции. В результате семантическая структура слова усложняется, развивается синтаксически обусловленная многозначность. Один из видов такой многозначности описан В. В. Виноградовым [16]. Этот вид многозначности возникает в результате развития у слова, первично являвшегося жестким десигнатором, четкого предикатного типа значения (через этап метафорического «извлечения» одного из признаков денотата). Это значение В. В. Виноградов назвал синтаксически обусловленным (поскольку само его возникновение обусловлено постановкой имени в несвойственную ему позицию предиката), или синтаксически ограниченным (поскольку имя в таком значении функционирует — без особых показателей — в позиции предиката). Так, слово *осел* в одном значении является именем естественного класса ослов — животных, имеющих диффузное множество общих признаков и совсем не обязательно глупых и упрямых, в другом — именем номинального класса ослов, члены которого не имеют других общих признаков, кроме глупости и упрямства (но эти — обязательно). Поскольку этот тип синтаксически обусловленного значения хорошо изучен, наше внимание будет сосредоточено на явле-

нии обратного порядка: появлении у имени номинального класса вторичного значения имени естественного класса. Мысль о возможности такой многозначности находим у Н. Д. Арутюновой, выделяющей в особую группу «имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов, значением» [7, с. 346].

Приведем пример такой многозначности. Что такое *ферзь*? С одной стороны, значение слова *ферзь* определяется через специфические функции этой фигуры в шахматной игре — это фигура, которая ходит так-то и так-то. В таком понимании это имя номинального класса. Ферзем в этом понимании может быть любой предмет, который ходит так-то и так-то: пуговица, катушка, камешек, человек (в «живых шахматах») и т. д. Если пешка дошла до 8-й горизонтали, она превращается в ферзя, не претерпевая никаких внешних изменений: она просто приобретает признак, определяющий экстенционал номинального класса ферзей — право ходить так-то и так-то. Применительно к такому употреблению полностью справедливы слова Л. Витгенштейна: «Чтобы слово *ферзь* было значимо, надо знать правила шахматной игры» [17]. Но обычно роль ферзя выполняет ферзь — особого рода фигура, характеризующаяся определенным относительным размером, формой, цветом и т. п. И эти признаки — туманны, многочисленны, необязательны. Это *ферзь* как жесткий десигнатор. Чтобы понять слово *ферзь* в этом значении, вовсе не нужно знать правила шахматной игры и вообще какие-либо правила: надо только увидеть ферзя. Значение слова *ферзь* как имени номинального класса можно исчерпывающе описать в стиле компонентного анализа (что и делается в учебниках шахматной игры); значение жесткого десигнатора *ферзь* невозможно описать таким образом, но его легко объяснить остенсивно, указав пальцем на соответствующую фигуру и произнеся: «Это ферзь».

Появление у имени номинального класса вторичного значения денотативного типа обусловлено прежде всего экстралингвистическим фактором, а именно тем, является ли денотативный класс, на который «вышло» слово, естественным классом и в какой степени, т. е. имеют ли объекты, входящие в данный номинальный класс, и другие общие признаки помимо тех, которые заложены в сигнификате имени. Если такие признаки имеются, то они неминуемо втягиваются в семантику имени, происходит то, что Н. Д. Арутюнова назвала «обогащение признаками денотата» [7, с. 337]. Так, подлецы не имеют никаких общих признаков — особой формы, знаков отличия, физических характеристик и т. п., — которые бы отличали их от других людей, кроме подлости. Поэтому это чисто номинальный класс. Имена же *доктор*, *школьник*, *солдат*, *милиционер*, *офицер*, *учитель* и т. п. обозначают такие классы, члены которых, помимо функции в обществе, имеют и другие общие характеристики, как-то: определенная форма, знаки отличия, физические и психические качества и т. д.: «По росту и спортивным плечам мы легко отличим в толпе баскетболиста. Моряка — по его знаменитой походке» (В. Недошивин, *Ищу личность*). Сквозь смысл таких имен начинает туманно просвечивать образ «естественного класса», состоящий из множества разнородных, диффузных, необязательных признаков. Так, *школьник* — это обычно ребенок, ходит с ранцем или портфелем, шаловливый и т. п.

Проникновение в семантику имени номинального класса признаков денотата ведет, однако, не к размыванию и затуханию его смысла, но к синтаксическому размежеванию значений сигнификативного и денотативного типа. Причины этого вполне понятны. Рассмотренные имена активно употребляются в функций предиката; содержание же предиката, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «центрировано. Оно стремится к отрыву от денотата», из него «выталкиваются» все диффузные, необязательные признаки и закрепляется отточенный, обязательный смысл [7, с. 337]. Напротив, указание на предмет, денотация легче осуществляется через «комплексный, недискретный образ» [14, с. 183], поэтому признаки класса денотатов ши-

роко вливаются в семантику денотирующего (референтного) имени. Таким образом, функционирование в различных коммуникативных позициях разрывает семантику таких слов на синтаксически обусловленные значения. В предикатной позиции это имя номинального класса, с его четким, строго определенным смыслом, в денотативной — имя естественного класса, с его образной, нерасчлененной семантикой. Например: *Куда это ферзь запропастился?* (денотация, имя «естественного класса»). *Ну ладно, эта пуговица будет у нас ферзем* (предикация, имя номинального класса). Высказывание *Он/она — офицер* означает «он/она служит в армии, относится к командному составу», и ничего более. В позиции термина при предикате, выполняя функции денотации, слово *офицер* является уже именем «естественного класса». В предложении *В комнату вошел высокий офицер* слово *офицер* = «мужчина, одетый в офицерскую форму, имеющий определенные знаки отличия и т. д.». Говоря: *Спроси вон у того офицера/солдата/милиционера, как пройти к...*, мы не задаемся вопросом, действительно ли субъект, на которого мы указываем, служит в армии или нет. Важно, что он одет в определенную форму. Для успеха референции достаточно соответствия объекта образу типичного представителя класса. Мы опираемся здесь на совокупность внешних, необязательных признаков, на образ типичного офицера.

По мере развития значения «естественного класса» имя (в данном значении) все более уподобляется жесткому десигнатору. При употреблении такого имени предполагается, что обозначаемый им род (класс) имеет некую скрытую от прямого наблюдения «сущность». Все наблюдаемые признаки денотируемого именем класса становятся факультативными, необязательными, в том числе и тот, который создавал номинальный класс. Они помогают «фиксировать» референцию имени, но не определяют ее. Ср.: [Кубанцев:] *А я, господин прапорщик, был ротмистр... Собственно, что значит — был! Офицер всегда остается офицером, не так ли, господин прапорщик?* (В. Кочетов, Угол падения). Противоречие *был* и *остается* отражает здесь противопоставление номинального и естественного значений в рамках одного имени. В одном смысле Кубанцев не офицер (потерял признак, создающий номинальный класс «служба в армии»), в другом — офицер (сохранил некую «офицерскую сущность»). Ср. также *Солдат всегда солдат*.

Как видно из приведенных выше примеров, сформировавшееся в результате обогащения признаками денотата имя естественного класса может быть затем перенесено во вторичную для него позицию сказуемого, где оно дает уже не характеризующий, а таксономический (классифицирующий) предикат. Поскольку в этом случае синтаксическая позиция уже не может служить различителем «номинального» и «естественного» значений имени, для актуализации значения естественного класса часто добавляется слово *типичный*. Фраза *Она учительница* = «Она преподает в школе» и ложна, если это не так. Высказывание же *Она типичная учительница* не только не сообщает о том, что «она» преподает в школе, но даже не предполагает этого в качестве пресуппозиции: оно является истинным и по отношению к женщине, которая ни дня не работала в школе, но соответствует сложившемуся у говорящих образу «естественного класса» учителей (скажем, она сухая, педантичная, в очках, говорит правоучительным голосом и т. д.). Например, у Булгакова Иван Бездомный обличает профессионального поэта Рюхина: «Типичный кулачок по своей психологии...» (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). Вообще инвариантный смысл таких предложений сводится к идентификации субъекта с типичным представителем класса. Какие признаки при этом имеет в виду говорящий, остается не вполне ясным. Высказывание *Он типичный офицер* столь же неопределенно, как *Он типичный англичанин*, понимание их может колебаться весьма сильно в зависимости от того, как слушатель представляет себе «типичного офицера» или «типичного англичанина». Возможность присоединения к предикату прилагательного *типичный* является хорошим тестом, позволяющим определить, имеет ли имя вторичное значение естественного класса. Ср. возможность сочетаний *типичный студент/пролета-*

рий/крестьянин/интеллигент и т. п. и странность (если не невозможность) *типичный новатор/волюнтарист/циник/оптимист/поклонник/круг/подарок/звон и т. п. («Исконные» имена естественных классов, которые и без актуализаторов обозначают «типичный предмет», сочетаются с прилагательным типичный в случае необходимости усиления, подчеркивания утверждения, например, когда кто-то ошибся в идентификации: Да что ты, какая же это синица? Это типичный воробей!).

Актуализатором значения естественного класса может быть и прилагательное *настоящий*, интонационная характеристика (и семантика) которого меняется в зависимости от того, сочетается ли оно с именем, имеющим значение (хотя бы вторичное) естественного класса или с именем чисто номинального класса. В сочетании с именем естественного класса *настоящий* может иметь 2 значения: 1) «не искусственный, не сделанный или нарисованный, не игрушечный»: *Это н а с т о я щ и й офицер /милиционер/волк/шелк* и т. д. 2) «идеальный образчик класса, такой, каким должен быть предмет, принадлежащий к данному классу»: *Он н а с т о я щ и й офицер/мужчина/друг* и т. д. При употреблении этого прилагательного с именами чисто номинальных классов меняется интонационный рисунок фразы (невозможно **Он н а с т о я щ и й герой/хам/нахал...*), логическое ударение падает на имя (*Он настоящий г е р б о й/х а м /г é н и й*), которое становится ремой, что свидетельствует о полной смене значения: *настоящий* по функции приближается к частице и сигнализирует о модальных пресуппозициях ($\approx$ «не сомневайся в этом, не думай, что иначе» [18]).

Имеются и другие критерии, которые позволяют отличить чистые имена номинальных классов от тех, что имеют «естественную подкладку». Так, последние, подобно исконным именам естественных классов, могут сочетаться с дейктическим субъектом *это*, формируя таксономический предикат. Можно показать на картинку или на человека и сообщить ребенку: *Это солдат/школьник/пионер/милиционер/рабочий* и т. д. Но вряд ли допустимо: **Это нахал/циник* и т. д.

О том, что «номинальное» и «естественное» значения действительно являются разными значениями одного имени, свидетельствует несовместимость их дистрибуций. Возможно *Он прекрасный учитель* (= «Он прекрасно учит», определение к сигнификату имени номинального класса), возможно *Он типичный учитель* (определение актуализирует значение естественного класса), но нельзя **Он типичный прекрасный учитель*, **Он прекрасный типичный учитель*. Аналогично: *Он хороший офицер* (имя номинального класса), *Он настоящий офицер* (имя естественного класса), но нельзя **Он настоящий хороший офицер*, **Он хороший настоящий офицер*.

Подчеркнем, что не только признак «пол», но даже признак «человек» не входит в смысл имени номинального класса и синтаксически обусловлен денотативной позицией, являясь частью образа естественного класса. Врач (солдат, учитель и т. д.) — о б ы ч н о человек, поэтому этот признак включается в семантику денотирующего имени в процессе обогащения признаками денотата. Говоря: *Врач принимает больных*, мы представляем ч е л о в е к а в белом халате и т. д. Но признак этот необязателен. Имена *подлец, брат, приятель, жертва, вредитель* и т. п., отмечает О. П. Ермакова, могут обозначать любой объект, обладающий соответствующими признаками, т. е. не только лицо, но и животное или неодушевленный предмет (*Этот кот — злока*) [19]. Имя *врач (солдат, учитель* и т. п.) может быть приложено к машине, животному, марсианину — и в этом никто не видит противоречия или переносного употребления слова. В романе К. Чапека «Война с саламандрами» действуют саламандры — поэты, ученые, солдаты и т. д. В сказочной лесной школе медведь — учитель, заяц — ученик: *И когда, мальчишка, выйдешь собирать грибы в лесу — зайца-школьника увидишь и ученую лису* (Н. Грибачев, Лесная сказка). Ср. также частые заголовки статей в газетах: «Электронный врач ставит диагноз», «Скоро ли будет создан автоматический переводчик?» и т. п. Варьирование любых признаков объекта не препятствует приложению к нему имени номинального класса, если он имеет признак, составляющий смысл номинального имени.

Из сказанного следует, что делить имена номинальных классов на имена лиц, вещей и т. п. можно лишь постольку, поскольку они имеют вторичное значение естественного класса. Точнее было бы говорить, что одни имена номинальных классов о б ы ч н о обозначают лицо (*учитель, изобретатель, врач, солдат, король, школьник* и т. д.), другие же чаще прилагаются к вещам (*подарок, ноша, выигрыш, находка, премия* и т. д.). Не свойствами языка, а устройством общества обусловлено то, что людей не дарят, а в принципе человек может быть и подарком, и находкой, и покушкой. Имена номинальных классов подобны в этом отношении чистым предикатам, одни из которых обозначают действия и признаки, свойственные людям (*думать, желать, мудрый*), другие — животным (*бодаться, лягаться, мычать, ржать*), третьи — птицам (*чирикать*), четвертые — веществам (*ржавеет*) и т. д. Тем не менее, любой предикат может быть приложен к любому предмету, обнаруживающему составляющее его смысл свойство.

Какие же имена номинальных классов развивают вторичное значение денотативного типа? Выше отмечалось, что это зависит главным образом от того, имеют ли члены номинального класса и другие общие признаки, помимо тех, на основании которых был выделен данный класс, и насколько эти признаки рельефны. Например, смысл номинального имени *студент* — «учащийся высшего учебного заведения или техникума», и ничего более. Но обычно, хотя и необязательно, студенты — это м о л о д ы е люди, и в ситуации вуза мы часто отличаем студента от преподавателя именно по этому «естественному» признаку. Этот и другие (беззаботность, веселость и т. п.) признаки начинают ассоциироваться с именем, создавая образ «типичного студента».

Наиболее благоприятный материал для развития денотативных значений представляют имена профессий и, шире, социальных функций, социальных статусов вообще (*доктор, актер, школьник, рабочий, крестьянин, буржуй, дворянин, интеллигент, король, граф, директор, солдат, генерал* и т. п.). Это естественно вытекает из того факта, что выполнение той или иной социальной функции часто предполагает (а иногда и формирует) те или иные физические и психические особенности [14, с. 210].

Другое важное условие возникновения у имени вторичного значения естественного класса в результате обогащения признаками денотата — общезвестность денотата и, следовательно, его признаков. Ср. наличие в коллективном языковом сознании образов типичного рабочего, учителя, врача, ученого, боксера, но не шерстобита, кукурузовода, газосварщика, паркетчика, дзюдоиста и т. п.

Появление у имени вторичного значения (или хотя бы оттенка значения) денотативного типа, в свою очередь, влияет на его коммуникативные возможности. Так, имена номинальных классов с неактуальным значением определенную и неопределенную референцию в чистом виде могут приобретать только в той мере, в какой они перестают быть именами номинальных классов и получают вторичное значение жесткого десигнатора — имени индивидуального объекта или естественного класса. Например, неопределенную референцию имеет слово *ученик* в следующем контексте: *Что случилось? Что за крик? — Это тонет ученик!* (С. Михалков, Дядя Стёпа). Очевидно, однако, что смысл слова *ученик* «учащийся начального или среднего специального учебного заведения» [20] в данном случае не имеет большого значения, ровно с таким же успехом можно было кричать: *Мальчик тонет!* Имя *ученик* значит здесь «мальчик школьного возраста». Вероятно, он был в форме, с портфелем. Замена слова *ученик* именем номинального класса, за которым не встает образ «естественного класса», делает предложение странным или даже аномальным: **Это тонет фаталист/волонтарист/герой/хулиган/ценитель живописи* и т. п.

Впрочем, здесь мы уже переходим от синтаксически обусловленного значения к семантически обусловленной функции, что составляет особую тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kripke S. Identity and necessity.— In: Naming, necessity, and natural kinds. Ithaca — London, 1977.

2. *Kripke S.* Naming and necessity. Oxford, 1980.
3. *Putnam H.* Is semantics possible? — In: Naming, necessity, and natural kinds.
4. *Putnam H.* Meaning and reference.— In: Naming, necessity, and natural kinds.
5. *Donnellan K.* Reference and definite descriptions.— In: Naming, necessity, and natural kinds.
6. *Donnellan K.* Speaking of nothing.— In: Naming, necessity, and natural kinds.
7. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
8. *Ревзина О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.
9. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
10. *Ким Л. Л.* Особенности функционирования прилагательных в современном русском языке (качественные прилагательные в словосочетаниях с конкретными существительными).— Научн. тр. Ташкентского гос. ун-та, 1976, № 501, ч. I.
11. *Schwartz S. P.* Introduction.— In: Naming, necessity, and natural kinds.
12. *Frege G.* On sense and reference.— In: Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Oxford, 1952.
13. *Russell B.* Descriptions.— In: Semantics and the philosophy of language. Urbana, 1952.
14. Аспекты семантических исследований. М., 1980.
15. Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977, с. 206.
16. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова.— В кн.: *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. М., 1977.
17. *Арутюнова Н. Д.* Логические теории значения.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, с. 110.
18. *Вежбицка А.* наброски к русско-семантическому словарю.— Научно-техническая информация, 1968, сер. 2, № 12.
19. *Ермакова О. П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1977, с. 218.
20. Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957—1961.